

UDK 811.16'367.625

Елена Петрухина / Elena Petrukhina

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва/

Lomonosov Moscow State University, Moscow

elena.petrukhina@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИДОВЫХ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ РУССКИМ, ЧЕШСКИМ И СЛОВЕНСКИМ ЯЗЫКАМИ

В статье предложено объяснение различий в употреблении видов между русским языком, с одной стороны, и чешским и словенским, с другой. Проанализированные языковые факты подтверждают предположение о разном профилировании категориальных концептов совершенного и несовершенного вида в славянских языках. Для категории вида в чешском и словенском языках более значима идея ЦЕЛОСТНОСТИ действия, для русского вида – идея временной границы действия, ПРЕДЕЛА. Данный концепт в русском языке, в отличие от чешского и словенского языков, четко выражается в граммеме СВ (в том числе в производных глаголах с начинательными приставками, в делимитативах с приставкой *по-*, сатуративах с формантами *на-* *ся* и др.). Это влияет на употребление и сочетаемость глаголов СВ, а также на организацию видовой оппозиции и степень маркированности совершенного и несовершенного вида.

Ключевые слова: русский, чешский, словенский языки, глагольный вид, целостность, предел

The article offers an explanation of the differences in aspectual usage in Russian, on the one hand, and Czech and Slovenian, on the other. The language data analyzed in this research confirm the assumption that the profiling of the categorial concept of perfective and imperfective differs in the languages in question. The idea of totality in the category of aspect has a more significant value in Czech and Slovenian, while in Russian it is the idea of time limit or border that is more important. The given concept in Russia – in contrast to Czech and Slovenian – is distinct in the perfective grammeme (including in derived verbs with inceptive prefixes, in delimitatives with the prefix *no-*, saturatives with the formants *na-* *-ся*, etc). This affects the usage and collocation of perfective verbs, as well as the organization of aspectual opposition and the degree of markedness of perfective and imperfective aspect.

Keywords: Czech, Russian, Slovenian, aspect, totality, limit

1 Вступление

Как известно, о глагольном виде как о славянской категории позволяет говорить системная общность вида в славянских языках, которая основывается прежде всего на семантическом и функциональном сходстве глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. При обозначении актуального длящегося процесса (в частности, совпадающего с моментом речи) и в сочетании с фазовыми глаголами в славянских языках (без учета серболужицкого) не могут быть употреблены

глаголы СВ, а только глаголы НСВ¹. При таком употреблении НСВ противостоит СВ, но в определенных контекстуальных условиях возможно и синонимическое употребление глаголов разного вида. Кроме того, в славянских языках сходны грамматические последствия словообразовательных процессов префиксации и суффиксации глаголов – их перфективация и имперфективация. При этом имеются значительные различия в функционировании видов: различна сочетаемость глаголов СВ и НСВ с показателями кратности действия; имеются различия в употреблении видов в настоящем историческом, в императиве, при отрицании, в некоторых синтаксических конструкциях, в соотношении вида и времени, вида и залога.

Сопоставлению категории вида в славянских языка посвящена обширная славистическая литература: работы Ю.С. Маслова, А.В. Исаченко, М. Докулила, Св. Иванчева, А.Г. Широковой, А. Стуновой, С. Дики, А. Дерганц, Е.В. Петрухиной, О.С. Плотниковой и многих других (некоторые из этих работ вошли в нашу библиографию). Основные расхождения в употреблении видов между русским и словенским языками проанализированы в трудах А. Дерганц (Derganc 1998, 2003, 2010, 2014). Результаты ее исследований позволяют сделать выводы о славянских аспектуальных изоглоссах, в частности свидетельствует об аспектуальной близости чешского и словенского языков (Derganc 2003, 2010). Русскому языку с точки зрения закономерностей употребления глаголов СВ и НСВ из всех славянских языков в наибольшей степени противостоит чешский, что описано в ряде публикаций автора данной статьи, прежде всего в (Петрухина 2000 /2012), а также словенский язык. «В славянском мире словенский и русский языки являют собой два полюса как в распределении ролей совершенного и несовершенного видов, так и в степени последовательности парадигматического и функционального противопоставления видов» (Плотникова 2017:18), см. также (Derganc 2003). В основной части данной статьи предложена интерпретация функциональных расхождений в употреблении глаголов СВ и НСВ между русским, с одной стороны, и чешским и словенским² языками, с другой стороны.

¹ Сочетаемость фазовых глаголов с глаголами СВ (отмечаемая в грамматиках как некорректная) зафиксирована в серболужицком языке, испытывавшем на протяжении всей своей истории сильное влияние немецкого языка, например: *W lětach 1896–99 je započal spisać a wudać traktaty w słowjanskej rěči*. 'В 1896–99 годах он начал писать (букв. начал написать) и издавать (букв. начал издать) трактаты на славянском языке' (Faßke 1981: 181). Подобная сочетаемость отмечена в чешском языке у двух глаголов *zúčastnit se* ('принять участие') и *soustředit se* ('сосредоточиться'), традиционно относимых к совершенному виду: *Je pravdou, že na domácí islámský extrémismus se britské bezpečnostní složky začaly pořádně soustředit až relativně nedávno* (Lidové noviny, 15.07.05). Употребление подобных фазовых конструкций в современных средствах массовой информации вызвало в Чехии бурную дискуссию, в том числе на страницах журнала *Naše řeč*, см. обзор дискуссии в (Veselý 2011). Кроме того, Младен Ухлик обратил мое внимание на (Kalsbeek 1998: 286), где отмечено, что в севернокавказских говорах есть фазисный глагол *finit/finjievat* ('закончить/заканчивать') который может сочетаться с глаголами СВ. По всей видимости, такие аномальные для славянского вида случаи связаны с ослаблением маркированности совершенного вида в названных языках.

² Выражаю благодарность коллегам с филологического факультета Люблинского университета Александре Дерганц и Андрею Желе за помощь в переводе русских и чешских предложений на словенский язык и их интерпретацию, Младену Ухлику за критические замечания, которые позволили уточнить анализ ряда словенских и русских примеров.

А.Г. Широкова отмечала, что «при сопоставительном изучении родственных языков необходимо отличать языковые факты как явления системы от сферы их функционирования» (Широкова 1998: 16), а функциональный метод, обязательный при сопоставлении славянских языков, «не снимает необходимости их анализа на уровне системы, на уровне грамматических абстракций...» (Широкова 1998: 35). Результаты сопоставительного изучения славянских языков подтвердили эти выводы. Выявленные и хорошо описанные в славистике различия в употреблении видов между отдельными славянскими языками требуют более глубокого сопоставления и на уровне категориальной семантики, свидетельствуя, по нашему мнению, о расхождениях в организации граммем СВ и НСВ и видовой оппозиции, которые анализируются ниже.

В ряде публикаций автора данной статьи (Петрухина 2003, 2009, 2015) функциональные различия между русским и чешским языками были объяснены разным профилированием категориальной семантики СВ и НСВ в сопоставляемых языках, а также разной степенью маркированности совершенного и несовершенного вида как членов видového противопоставления. Близость словенского языка чешскому языку в употреблении видов и семантике способов глагольного действия (СГД) позволяет предположить сходство между этими языками и на категориальном уровне. Но в данной статье это всего лишь гипотеза, требующая более основательного изучения. Кроме того, в выражении аспектуальных параметров действия между чешским и словенским языками в ходе нашего исследования был выявлен и ряд различий.

2 Некоторые различия в употреблении видов в сопоставляемых языках

2.1 Настоящее историческое. А. Дерганц обращает внимание на общее мнение многих лингвистов (Бондарко 2005, Плотникова 1998, Derganc 1998, Dickey 2003) об употреблении видов в настоящем историческом в словенском языке.

«В настоящем историческом в словенском языке в принципе действуют те же правила, как и в прошедшем времени, т. е. нет – в отличие от, скажем, русского языка – нейтрализации видов. Глаголы совершенного вида выражают события, представленные как одно целое и сменяющие друг друга на линии повествования, а глаголы несовершенного вида выражают состояния, развивающиеся процессы, итеративные действия и т. д.» (Дерганц 2014: 438).

Сходные наблюдения делались и относительно чешского языка (Бондарко 2005, Stunová 1993). Мы ранее отмечали субъективность в выборе видов в этом временном плане в чешском языке и высокую степень обязательности в русском (Петрухина 2012: 83-84). Новейшие исследования категории вида в словенском языке уточнили общую картину в настоящем историческом. М. Пила в современных словенских текстах нашла лишь небольшое преобладание глаголов СВ – 49% против 43% НСВ (8% составляют формы двувидовых глаголов) в этом временном плане (Pila 2013: 152). Д. Крвина в своей диссертации определил условия, при которых в настоящем историческом в словенском языке преобладают презентные формы СВ. Если действие происходит внезапно или в цепочке действий, ограничивающих

друг друга, то доля глаголов СВ при выражении последовательности действий составляет 84 %, соответственно НСВ – 12 % (двувидовых глаголов – 4 %). Ср. цепочку перфективов: *Petdeset metrov za njim se ustavi*_{pf}, *razjaha*_{pf} in *zaspi*_{pf} *kar na tleh*. *Ostanaвливаеmся*_{pf} *za 50 metrov do него*, *снеииваемся*_{pf} и *засынаем*_{pf} *прямо на земле* (Крвина 2015, Krvina 2016). А. Дерганц для словенского языка, а также С. Дики для словенского и чешского языков показали, что в цепи событий для изображения отдельных событий в словенском языке могут быть употреблены и глаголы НСВ. Так в следующем примере «глаголы СВ продвигают действие вперёд, а глаголы несовершенного вида изображают отдельные сцены», производя впечатление «замедленного действия и фрагментарности»:

*Prazen se ustavim*_{pf} *pred prazno hišo*. *Posedim*_{pf} *v avtu*. [...] *Blaupunkt igra*_{pf}. [...] *Odklepam*_{pf}, *gledam*_{pf}, *osamosvojil sem se*, *breme pada*_{pf} *z mene* (Derganc 2014: 439, 442), см. также (Dickey 2003: 194, 2000: 151–153).

Ф. Эсван показал, что повествование о прошлом в чешских биографических или художественных текстах в целом может быть выдержано в несовершенном виде, представляя события так, будто они протекают в момент повествования, например:

*Půl páté. Vstávám*_{imp}, *zvedám*_{imp} *tašku*, *přehazuju*_{imp} *si její dlouhé ucho přes rameno a vycházím*_{imp} *na ulici*. *Zastavuju*_{imp} *se před širokým výkladem*, *hledím*_{imp} *do vyblejskaného skla*, *soustřed'uju*_{imp} *se na pravidelný vdech a výdech*. *Za zády mi projíždějí*_{imp} *auta*, *vidím*_{imp} *je jako v zrcadle*. (L. Procházková, Oční kapky, 1982) (Esvan 2015).

Такое употребление презентных форм НСВ в чешском языке встречается значительно реже, чем употребление в настоящем историческом обоих видов. Оно создает особый стиль живописного, изобразительного повествования, значение *tabular present*, по определению Ф. Эсвана (Esvan 2015). В упомянутых выше исследованиях категории вида в словенском языке такое «живописное повествование», последовательно выдержанное в несовершенном виде, не отмечено.

Возможность вести повествование в настоящем историческом как при помощи глаголов СВ, так и при помощи глаголов НСВ подтверждает наш тезис о высокой степени субъективности выбора вида глаголов в чешском и словенском языках, когда повествователь при обозначении действий, сменяющих друг друга, в выборе видов может руководствоваться не грамматическими закономерностями, а прагматическими, художественными или иными принципами. Но при этом необходимо отметить большую роль узуса (как общепринятых приемов) в распределении видов в настоящем историческом. Соответственно между чешским и словенским языками, допускающими в этом временном плане употребление обоих видов, имеются расхождения в узусе употребления глаголов СВ и НСВ. Их изучению способствовали бы сопоставительные корпусные исследования, аналогичные упомянутому выше словенскому исследованию Д. Крвины.

В русском языке в данном временном плане свободному выбору видов мешает высокая степень маркированности СВ, когда презентные формы СВ актуализируют конечную границу терминативного действия, а значит и начало следующей, т.е.

будущей, ситуации. Поэтому употреблению глаголов СВ в плане настоящего исторического в русском языке мешает значение будущего времени презентных форм СВ. И хотя в западнославянских языках видо-временная система организована сходно с русской системой (в отличие от южнославянских языков, в которых будущее время выражается в основном аналитической формой независимо от вида глагола), у чешских презентных форм СВ связь с будущим выражена в меньшей степени, чем у соответствующих форм в русском языке – по нашему мнению, за счет меньшей маркированности в семантике СВ временных границ действия, прежде всего конечной (Петрухина 2015).

2.2 Обозначение повторяющихся действий. В распределении видов при обозначении повторяющихся действий русский язык протivoстоит как чешскому, так и словенскому языку (это описано в целом ряде упоминавшихся выше работ). Если в русском языке здесь преобладает НСВ, то в чешском языке, как мы неоднократно отмечали ранее, кратные действия могут быть выражены глаголами обоих видов, причем СВ часто более употребителен, а в некоторых типах контекста глаголы СВ являются единственно возможными, в частности при обозначении нежелательных или случайных действий. Так, в предложениях, подобных следующему, возможен только СВ: чеш. *Někdy polívku přesolí*. Аналогичная закономерность наблюдается и в словенском языке: *Včasih presoli juho*. Отметим, что в обоих языках нет соответствующих вторичных имперфективов от данных глаголов СВ. Исключает употребление глаголов НСВ в чешском и словенском языках также актуализация семантики результативности и завершенности каждого из повторяющихся действий при помощи лексических показателей, например таких, как конклюдивные обстоятельства типа *za hodinu, v eni uri*. В обоих языках невозможны такие предложения, как **Takový text přepisovala obvykle za hodinu*. **Takšen tekst je ponavadi prepisovala v eni uri*. Единственно возможные варианты: чеш. *Takový text přepsala obvykle za hodinu*. *Takšen tekst je ponavadi prepisala v eni uri*. По сути дела, при обозначении кратных действий в чешском и словенском языках реализуются те же закономерности употребления видов, что и при выражении однократных действий. Аналогичное соотношение в употреблении видов А. Дерганц и Д. Крвина отмечают при обозначении цепочки сменяющих друг друга событий: с переходом от однократности к повторяемости ничего не меняется, в обоих случаях в словенском языке преобладает СВ:

Zjutraj *vstanem* ob petih in se z vlakom iz predmestja okoli sedme ure *pripeljem* v središče, kjer delam kot čistilka. *Končam* ob treh popoldne, si v kuhinji *skuham* kosilo in se odpravim v drugo službo, kjer prav tako čistim (Derganc 2015: 177).

Совершенный вид сохраняется, даже если речь идет о регулярных законах, например: *Kadar se izloča preveč ušesnega masla, se to nakopiči, posuši in postane trdo* (Крвина 2016). В русском языке при таком переходе от однократности к повторяемости возникают условия для обязательной имперфективации и замене видов, ср. русские переводы приведенных выше предложений с глаголами НСВ: *Такой текст она обычно перепечатывала за час. При гиперсекреции ушной серы она накапливается, засушивается и становится* твердой.

А. Дерганц уточнила представления об употреблении видов в словенском языке при обозначении повторяющихся действий, установив влияние на выбор видов наличия парных вторичных имперфективов:

В словенском языке для выражения повторяемости / узуальности при помощи глаголов, образующих пару с вторичным имперфективом, как, например, *zgoditi se – dogajati se, priti – prihajati, srečati – srečevati*, возможно употребление обоих видов, при этом НСВ будет употребляться чаще. Если же у приставочных глаголов СВ, выражающих терминативное значение (*accomplishment* с количественно определенным дополнением), нет вторичного имперфектива, то для выражения повторяемости будет типичным выбор глагола СВ (Derganc 2015: 177).

Можно предположить, что НСВ на фоне возможного и употребительного СВ в названном типе контекста в чешском и словенском языках (в отличие от русского языка) не нейтрализуется: глаголы НСВ выражают многократные действия с актуализацией длительности и процесса совершения каждого из повторяющихся действий. Процессная интерпретация носителями чешского языка значения глаголов НСВ при выражении узуальных действий зафиксирована в «Грамматике чешского языка» Б. Гавранека и А. Едлички (Havránek, Jedlička 1960: 226)³. Маркированный процессуальный характер чешского НСВ доказывают и другие факты. В чешском языке нет имперфективов типа русских *съесть, вылечивать, прибегать* или болгарских *направлям, написвам, поседявам*, которые не могут выражать длящийся процесс и которые Св. Иванчев называл семантическими перфективами (Иванчев 1971: 25–31). В чешском языке подобные глаголы либо вообще не образуются, либо свободно могут иметь конкретно-процессное значение (например, глаголы движения с приставками *při-, do-*). чеш. *Přichází, aby se rozloučil* – Он пришел (букв.: *приходит) проститься; чеш. *Vlak právě přijížděl do stanice* – Поезд как раз подъезжал к станции (букв.: *приезжал на станцию). Сходная картина наблюдается в словенском языке, ср.: *Dolgo je prebiral članek*. –?Долго прочитывал статью (маловероятно); *Glej, oče prihaja!* – *Смотри, папа приходит (так сказать нельзя). О соотношении неограниченно-кратного и процессного значений словенского глагола *prihajati* см. (Дерганц 2015: 173–174). Кроме того, в отличие от русского языка, в чешском и словенском языках не развито употребление глаголов НСВ со значением аннулированного результата: *K tebe приходил Иван* (= был и ушел); *Недавно мы ездили (съездили)* (= были там и вернулись) *в Петербург*. По-чешски и по-словенски такие смыслы при помощи глаголов движения НСВ выразить нельзя, ср.: чеш. *Ivan byl za tebou*; *Pri tebi je bil Ivan*. чеш. *Nedávno jsme byli v Petrohradě*; *Před kratkým smo bili* v Peterburgu.

Все приведенные факты свидетельствуют о различиях в семантике СВ и НСВ между сопоставляемыми славянскими языками – русским, с одной стороны, и чешским и словенским – с другой, на категориальном уровне.

³ D ě j o p a k o v a n ý v minulosti nebo přítomnosti se vyjadřuje zpravidla slovesy dokonavými. Např. Kdykoli přišla matka domů, vždy se podívala na obrázek svého syna... Značně řídí je vyjádření takového děje slovesy nedokonavými, např. Kdykoli přicházela matka domů, vždy se dívala ...; takový způsob by zdůrazňoval dlouhotrvající nebo pradávne opakování (Havránek, Jedlička 1960: 226).

3 Граммемы СВ и НСВ в славянских языках

С учетом сочетаемости и основных функций глаголов СВ и НСВ в славянских языках категориальные видовые значения определяются во многих исследованиях на основе признака 'целостности' и 'временной границы, или ограничения действия временным пределом'. О других подходах к определению граммем видов см. в (Петрухина 2012: 33–44). Первый признак – ЦЕЛОСТНОСТИ – активно использовался во второй половине XX века в чешской, словацкой, польской, болгарской, словенской лингвистике, подробнее см. (Петрухина 2012: 38–39), а также в трудах Ю.С. Маслова (1984: 15–16; 2004: 35), в ряде работ А.В. Бондарко (1971) и А. Дерганц (2010). Этот признак (totality – celostnost') получил дополнительное обоснование в работах S. Dickey (2000, 2003, 2011), где он используется для определения категориального значения СВ в «западной» подгруппе славянских языков (с расширенным пониманием территориального признака), а именно в лужицких, чешском, словацком, словенском и сербском и хорватском языках. Сразу отметим, что это совпадает с нашими выводами о граммеме СВ в западнославянских языках (Петрухина 2000/2012).

В «восточнославянской» подгруппе (русский, белорусский и украинский, польский, болгарский и македонский языки) для определения граммем видов С. Дики предлагает абстрактное значение «временной локализации»: СВ выражает временную (темпоральную) определенность и НСВ – временную (темпоральную) неопределенность (*temporal definiteness / indefiniteness*). Ситуация рассматривается как темпорально определенная, если она представлена как смежная во времени к другим качественно различным ситуациям (Dickey 2000: 26-27). А НСВ выражает темпоральную неопределенность (Dickey 2000: 109). Предлагаемые С. Дики семантические признаки ЦЕЛОСТНОСТИ и ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ являются традиционными для славянской аспектологии и для Теории функциональной грамматики (ТФГ) А.В. Бондарко. Но в ТФГ они относятся к разным функционально-семантическим категориям – аспектуальности и временной локализованности / нелокализованности. Аспектуальность в ТФГ определяется как семантический категориальный признак, характеризующий протекание и распределение действия во времени, а также как функционально-семантическое поле (ФСП) языковых средств, объединенных этим значением (ТФГ 1987: 12). В связи с ФСП временной локализованности / нелокализованности «речь идет об отображении в языковой семантике конкретного местоположения тех или иных процессов и событий в однонаправленном и необратимом потоке времени» (ТФГ 1987: 211). По нашему мнению, признаки ЦЕЛОСТНОСТИ и временной ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ не являются однородными и относятся к разным функционально-семантическим категориям, поэтому на их основе трудно объяснить все случаи расхождений в употреблении видов между русским и западнославянскими языками.

В своих сопоставительных исследованиях мы исходим из концептов ЦЕЛОСТНОСТИ и ПРЕДЕЛА, при помощи которых можно охарактеризовать темпоральные модели действия в славянских языках. В граммемах СВ в отдельных

славянских языках они получают разную актуализацию, профилирование, что влияет на семантику и функциональные свойства глаголов СВ в этих языках. Не случайно, что признак ПРЕДЕЛА при определении категориальной видовой семантики используется в основном в российской лингвистике, например в трудах В.В. Виноградова: «основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе» (Виноградов 1972: 394). В последних работах А.В. Бондарко (2002: 370; 2011) и в Русской грамматике 1980 (РГ 1980: 586) при определении категориальной семантики видов используются оба концепта. При этом славянские языки могут различаться фокусом профилирования и их актуализацией в рамках единой концептуальной базы. В русском языке границы действия в семантике СВ выражены более четко, чем в чешском и словенском языках. Для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима идея актуализации ПРЕДЕЛА как временной ГРАНИЦЫ между смежными ситуациями (с возможной актуализацией конца предшествующей ситуации или начала следующей); для чешского и словенского вида – представление о ЦЕЛОСТНОСТИ. Это подтверждают и те закономерности в функционировании видов в славянских языках, которые были рассмотрены в предыдущих разделах. Профилирование в семантике русских глаголов СВ границы (или границ) действия препятствует употреблению глаголов СВ для обозначения узуальных действий, так как локализует действие на временной оси, что противоречит семантике повторяемости. В презентной форме актуализация временных границ действия реализуется как тесная связь с планом будущего. Отсутствие такой актуализации в чешском языке (несмотря на сходство парадигматического устройства категории времени в русском и чешском языках) ослабляет связь презентных форм СВ с будущим, что делает возможным их широкое употребление со значением обобщенного настоящего, в том числе при формулировке законов и правил, а также в настоящем историческом. Чешский язык здесь проявляет, как мы показали, большое сходство со словенским языком, несмотря на парадигматические различия в видо-временных системах этих языков. Тесная связь презентных форм СВ со значением будущего времени в русском языке мешает их использованию в плане настоящего исторического. Кроме того, разное профилирование границ действия в совершенном виде отражается и на семантике способов действия в сопоставляемых языках, о чем идет речь в последнем разделе.

4 Выражение границ действий и деятельности в сопоставляемых языках

В семантике некоторых общеславянских словообразовательных типов глагола, в частности делимитативов с приставками *по-*, *ро-*, сатуративов с аффиксами *на-* *-ся*, *на-* *-se*, проявляются различия в степени актуализации **конечной** границы действия, выражение которой в чешском языке нуждается в контекстной лексической поддержке (в частности в употреблении наречия *dost* – ‘достаточно’). В русском языке сами глаголы типа *наработаться* выражают семантику ‘достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения’, а глаголы типа *потренироваться* предполагают завершение деятельности. Словенский язык

здесь часто проявляет большое сходство с чешским языком. Например: *Мы потренировались, идем домой.* – чеш.: *Dneska jsme si už **dost** (po)cvičili, jdeme domů. Danes **smo** že **dovolj** trenirali, gremo domov. Вы уже **наработались**, отдохните.* – чеш.: *Už **jste se dost** napracoval, odpočíte si! **Dosti** ste se že **nagarali**, odpočijte si.* Или: *Zdaj (menepř) ste se že **nagarali**, odpočijte si.*

Как мы видим, в русских примерах производные глаголы СВ непосредственно сами выражают конечную границу деятельности и ее завершение, что соответствует определению СВ как маркированного члена видовой оппозиции. Тот факт, что в чешском и словенском языках центр выражения границы действия в ряде способов глагольного действия (делимитативах и сатуративах) смещается с глаголов СВ на лексические показатели, свидетельствует о меньшей актуальной маркированности данных глаголов СВ в этих языках, чем в русском.

В выражении начальной границы действия отношения между сопоставляемыми языками более разнообразны. По многим показателям русский язык здесь также противостоит чешскому и словенскому. При помощи словообразовательных средств в русском языке может быть выражено и начало длительной деятельности, что в чешском и словенском языках обычно передается сочетаниями с фазисным глаголом: *Все сразу **заговорили*** – чеш. *Všichni **začali** najednou **mluvit**; Vsi so **nenkrat začeli** govoriti. Он **заходил** по комнате – чеш. ***Začal** chodit po pokoji; **Začel je** hoditi po sobi.* В этих языках, в отличие от русского языка, не употребляются глаголы движения с начинательной приставкой *po-* в прошедшем времени и в инфинитиве. Например: *Юрий пошел домой пешком* – чеш. *Jiří **šel** domů pěšky. Jure šel je domov peš.* Но в словенском языке начало движения может быть выражено другими приставками, например приставкой *s-*: ***Stekli smo** na sam vrh hriba.* – *Мы **побежали** на самую вершину холма.* Начинательность глагола *stěči* отмечено и в словаре, причем в качестве первого значения: *stěči*¹ 1. začeti teči: ozrl se je okrog sebe, potem pa stekel; steci, pa ga boš dohitel (Fran.).*

Кроме того, сопоставление однотипных текстов, т.е. русского оригинального текста с его художественным переводом на чешский и словенский языки, выявило близость словенского нарратива в выражении начальной границы действия к русскому повествовательному тексту и существенные отличия чешского перевода. Ниже приводятся отрывки из сказочной повести Н.Н. Носова «Незнайка на Луне» (URL: <http://vseskazki.su/avtorskie-skazki/n-nosov-rasskazi/neznajka-na-lune-chitat.html>) и из чешского (переводчик М. Штясна, URL: <http://ufoartworks.sweb.cz/Neznalek/mesic.html>) и словенского (переводчик А. Ткаčeva, Ljubljana: Mladinska knjiga 1969) художественных переводов. Интересующие нас глаголы и глагольные конструкции в форме прошедшего времени в повествовательной функции отмечены при помощи следующих условных обозначений. Цифрой ¹ обозначены глаголы СВ с начинательными приставками, а цифрой ² – аналитические конструкции с фазовыми глаголами, выражающими начало действия; цифрой ³ – глаголы СВ, выражающие законченное действие; цифрой ⁴ отмечены глаголы НСВ, не выражающие границы действия.

В русском отрывке реплики персонажей вводятся в основном приставочными глаголами СВ с начинательным ингрессивным⁴ значением. Форм прошедшего времени таких глаголов в приводимом отрывке пять из девяти глагольных форм, вводящих прямую речь, т.е. больше половины – *завопил, закричал, закричал, закричал, завизжал* (отмечены цифрой ¹). В русских отрывках имеются 4 фазовых конструкции с глагольными формами СВ *начав, стал, принялся* (²); 3 парных глагола СВ – *сказал, подхватил, ответил* (³) и 2 глагола НСВ, не выражающих границы действия: *визжал, кричал* (⁴). В чешском переводе аспектуальная картина нарратива несколько иная: прямую речь вводят 6 глаголов НСВ, оставляющих границы действия невыраженными (⁴): *úpěl, křičel, pištěl, volal, křičel, vysvětloval*; 2 глагола СВ с квантовым значением: *okřikl, namítl* (³) и 2 глагола с аффиксами, которые могут выражать начинательность: с приставкой *za-* (¹) – *zavřískal* (но, скорее всего, это не начинательное, а квантовое значение); с формантом *roz- se:* *rozčítal se* (¹). 4 формы глаголов НСВ *dělal, přemístoval, přemýšlel, ručkoval* (⁴) соответствуют упомянутым русским фазовым конструкциям. Основные различия в соотношении видов глаголов в форме прошедшего времени в данных текстах проявляются в употреблении ингрессивных глаголов СВ с приставкой *za-* (5 форм) и лексического выражения начала действия при помощи фазовых глаголов (4 формы) в русском тексте и в преобладающем использовании при их переводе на чешский язык глаголов НСВ (6 форм).

В отрывках описывается состояние невесомости, которое при невероятных обстоятельствах испытывают сказочные герои. При этом в первом абзаце русского текста трижды выражается начало необычных проявлений такого состояния (формами фазовых глаголов *начав, стал, принялся*), тогда как в чешском переводе ситуация представляется изнутри (“*in medias res*”) (Stunová 1993: 126) при помощи глаголов НСВ. Словенский перевод очень близок русскому оригиналу и русскому сочетанию видов. В начале текста используются аналитические конструкции с начинательными глаголами (²) *jel premikati po zraku, je jel premišljati, se začel spuščati*, количество дериватов с приставкой *za-* точно соответствует производным глаголам звучания в русском оригинальном тексте – *se je zadrl, je zakričal, je zavpil, je zacvilil* (об особенностях аспектуальной семантики глаголов звучания в русском и западнославянских языках см. в (Петрухина 2012 198-199; 203–10)).

⁴ Ингрессивная начинательность определяется как «достижение результата в процессе возникновения явления» (Виноградов 1972: 419), «начало и продолжение действия в едином целом» (РГ 1980: 596–597).

<p>Начав² осторожно делать руками и ногами плавательные движения, Знайка стал² медленно перемещаться по воздуху и постепенно доплыл до двери. ... Выбравшись наконец из комнаты и очутившись на лестнице (вернее сказать, над лестницей), Знайка принялся² раздумывать, как бы ему спуститься вниз. ... В конце концов Знайка всё же придумал хороший способ. Дотянувшись до перил, он стал² спускаться, цепляясь за перила руками</p> <p>– Знаечка, миленький, помоги! – завопил¹ Растеряйка. – Я не пойму, что со мной происходит! Слушай, Знайка, мы все почему-то летаем! – закричал¹ доктор Пилюлькин.</p> <p>– А у меня ноги отнялись! Я ходить не могу! – визжал⁴ Сиропчик.</p> <p>– Тише, братцы! – закричал¹ в ответ Знайка. – Я сам ничего не могу понять. По-моему, мы в состоянии невесомости...</p> <p>– Это, наверно, кто-то нарочно придумал такое баловство! – закричал¹ Торопыжка.</p> <p>– Кто-то подшутил над нами! – подхватил³ Растеряйка.</p> <p>– Ну что за шутки еще! – завизжал¹ Пончик. ...</p>	<p>Opatrně dělal⁴ rukama a nohama plavecká tempa a pomaloučku se přemísťoval⁴ vzduchem, až doplul ke dveřím.</p> <p>Konečně vyplul z pokoje a octl se na schodišti – lépe řečeno nad schodištěm. Teď přemýšlel⁴, jak dolů.</p> <p>Nakonec přece jen vymyslel, jak na to.</p> <p>Chytil se za zábradlí a ručkoval⁴ dolů...</p> <p>“Všeznátku, kamaráde, pomoci!” úpěl⁴ Civínek.</p> <p>“Namouduši nevím, co se to se mnou děje!”</p> <p>“Slyšíš, Všeznátku, z ničeho nic lítáme!” křičel⁴ doktor Pilulkin.</p> <p>A já snad ani nemám nohy! Neudělám ani krok!” pištěl⁴ Sirupčik. ...</p> <p>“Klid, kamarádi!” okřikl³ je Všeználek. “Já tomu sám nerozumím. Myslím, že jsme se dostali do stavu beztlíže.”</p> <p>“To někdo určitě vymyslel naschvál, tuhle lumpárnu!” rozčilil se¹ Čiperka.</p> <p>“Někdo si z nás dělá legraci!” křičel⁴ Civínek.</p> <p>“Pěkná legrace!” zavřiskal¹ Buchtík. ...</p>	<p>S previdnimi plavalnimi gibi se je jel² počasi premi-kati po zraku. Po malem je priplaval do vrat.</p> <p>Ko se je slednjič le izmotal iz sobe in prišel na stopnišče (pravzaprav nad stopnišče), je jel² premišljati, kako naj pride po stopnicah dol.</p> <p>Navsezadnje se je le domislil pravega.</p> <p>Potegnil se je do ograje in se začel² spuščati tako, da se je je z rokami oprijemal...</p> <p>»Znalčko, ljubi naš, pomagaj!« je zatulil¹ Raztresenček. »Ne razumem, kaj se godi z mano!«</p> <p>»Poslušaj, Znalček, ne vem zakaj, ampak vsi skupaj letamo!« je zavpil¹ doktor Tabletko.</p> <p>»Meni so pa noge odpovedale! Ne morem hoditi!« je vreščal⁴ Sladkun.</p> <p>»Bratci, ne vpijte!« se je zadrl nazaj Znalček. »Sam ničesar ne razumem. Mislim, da smo v breztežnem stanju ...«</p> <p>»Najbrž si je nekdo zanalašč izmislil tako norčijo«, je zakričal Žurko.</p> <p>»Nekdo se norčuje iz nas!« je zavpil Raztresenček.</p> <p>»Lepe norčije, res!« je zacvilil Krofek.</p>
---	---	--

Проанализированные отрывки свидетельствуют о том, что в сопоставляемых языках есть различия в правилах построения нарративных текстов в плане прошедшего времени и введения в повествование реплик действующих субъектов. При выражении цепочки последовательных действий, в том числе речевых, в русском языке преобладает выражение их временных границ, а в чешском повествовании границы действия во многих случаях остаются невыраженными, несмотря на то, что это переводной текст, который в употреблении видов может испытывать влияние русского оригинала. Выражение границ действия в словенском переводе близко русскому оригиналу: начинательность выражается и аналитическими конструкциями, и начинательными дериватами с приставкой *za-*, как и в русском исходном тексте. Конечно, здесь можно предположить влияние русского текста, но сама возможность последовательно выражать начальную границу в словенском нарративе (в отличие от чешского), следуя за распределением видов в русской сказке, оказалась для нас неожиданностью, если учитывать близость аспектуальной системы словенского и чешского языков.

Таким образом, наш материал показывает, что в нарративе в плане прошедшего времени в русском и словенском языках более последовательно, чем в чешском, строится цепочка сменяющих друг друга действий – при помощи глаголов СВ, а если в эту цепочку попадают неопределённые глаголы типа *razdumyvat*, *premišljati*, то их границы выражаются фазовыми глаголами. В сопоставительном плане данный вопрос требует дополнительного изучения, особенно с точки зрения чешско-словенских видовых соответствий.

5 Заключение

Итак, наши выводы, сделанные ранее, о связи различий в функционировании видов с их категориальной семантикой и организацией видовой оппозиции в русском и чешском языках во многом справедливы и для словенского языка, обнаруживающего большие сходства в употреблении видов с чешским языком. В русском языке для глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима идея ПРЕДЕЛА как временной ГРАНИЦЫ между смежными ситуациями, чем в чешском и словенском языках, в которых в семантике СВ в большей степени актуализирована идея ЦЕЛОСТНОСТИ действия. Видовое противопоставление в русском языке полностью соответствует морфологической привативной оппозиции с немаркированным НСВ (Якобсон 1985: 210–213), тогда как в чешском и словенском языках можно поставить вопрос о модификации привативной оппозиции: об ослаблении маркированности СВ и росте маркированности НСВ. Чешские и словенские глаголы СВ, характеризующиеся широкой сферой употребления, в том числе в настоящем историческом и при обозначении кратных действий, ведут себя как формы с ослабленной маркированностью. А глаголы НСВ в ряде контекстов, в частности в контексте узуального действия, на фоне функциональной активности глаголов СВ выступают как аспектуально признаковые формы, актуализирующие процессность и длительность отдельного действия, что во многих случаях мешает их употреблению в данном контексте. Различия в организации грамме

СВ и НСВ проявляются также в семантике и употреблении ограничительных, сатуративных и некоторых других СГД, образованных в сопоставляемых языках по сходным словообразовательным моделям (с аффиксами *по-*, *на-* *-ся*, *за-*, *ро-*, *на-* *se*, *za-*). Наш сопоставительный языковой материал свидетельствует о том, что в чешском и словенском языках некоторые параметры действия часто выражаются лексическими элементами контекста, тогда как в русском языке подобные аспектуальные характеристики действия достаточно четко выражают сами глаголы.

Существенные различия между сопоставляемыми языками были выявлены в построении нарративного текста в плане прошедшего времени. При этом чешско-словенская аспектуальная изоглосса здесь распадается, так как словенский язык при построении повествовательного текста в плане прошедшего времени проявляет больше сходств с русским языком, чем с чешским: в отличие от чешского языка, использует для создания нарративной цепочки и ввода прямой речи персонажей преимущественно глаголы СВ. При этом словенский язык сохраняет СВ при переводе повествования в функциональный план настоящего исторического, а также в контекст обобщенной или повторяющейся ситуации, тогда как русский язык при таких переводах требует обязательной замены глаголов СВ глаголами НСВ.

В нашей статье большое внимание было уделено новейшим исследованиям категории вида в словенском языке – работам А. Дерганц и ее ученика Д. Крвины, которые свидетельствуют о новом этапе в славянской аспектологии, связанном прежде всего с использованием методов и языкового материала корпусной лингвистики. Данные методы позволяют объективировать и уточнить выводы, сделанные на основе анализа небольшого языкового материала, а также изучить влияние на употребление видов отдельных аспектуально значимых элементов контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Rosanna BENACCHIO, Malinka PILA, 2015: Выражение вида в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским. [Vyraženie vida v kontekstah neograničennoj kratnosti v slovenskom jazyke v sopostavlenii s russkim]. *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III*. Ред. Р. Бенакьо. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner. 79–93.
- Aleksandra DERGANČ, 1998: Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Praesens im Russischen und Slowenischen. In: Huber, D., Worbs, E. (Hrsg.): *Ars transferendi. Sprache, Uebersetzung, Interkulturalitaet*. Frankfurt am M. 55–63.
- Aleksandra DERGANČ, 2003: Nekatere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini. *Slavistična revija* 51. 67–79.

- Aleksandra DERGANČ, 2010: Še nekatere razlike v rabi glagolskih vidov v ruščini in slovenščini. *Slavistična revija* 58/1. 2010. 73–80.
- Aleksandra DERGANČ, 2014: Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih. *Slavistična revija* 62/4. 537–543.
- Aleksandra DERGANČ, 2015: Глагол детерминированного движения 'iti' в словенском языке. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Отв. ред. Мицуси Китадзэ. Киото: Университет Киото Сангэ. 73–78.
- [Aleksandra DERGANČ, 2015: Glagol determinirovanogo dviženija 'iti' v slovenskom jazyke. *Aspektual'naja semantiče-skaja zona: tipologija sistem i scenarii diahroničeskogo razvitija*. Отв. ред. Micusi Kitadzě. Kioto: Universitet Kioto Sangě. 73–78.]
- Stephen DICKEY, 2000: *Parameters in Slavic Aspect*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information.
- Stephen DICKEY, 2003: Verbal Aspect in Slovene. Slovenian from a typological perspective. *Sprachtypologie und Universalienforschung = Language typology and Universals* 56/3. 182–207.
- François ESVAN, 2015: Aspectual opposition in the different contexts of the historical present in Czech. *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III*. Ред. Р. Бенаккьо. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner.
- Helmut FASSKE, 1981: *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morfologie*. Bautzen: Domowina – Verlag.
- Janneke KALSBECK, 1998: *The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria*. Amsterdam–Atlanta: Rodopi.
- Alois JEDLIČKA, Bohuslav HAVRÁNEK, 1960: *Česká mluvnice*. Praha: SPN.
- Domen KRVIŃA, 2015: *Glagolski vid v sodobni slovenščini*. Doktorska disertacija. Ljubljana: FF. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
- Domen KRVIŃA, 2017: *Glagolski vid pri izražanju zaporednosti dejanj v slovenščini. Glagolski vid v slovenščini in ruščini: kontrastivni in (zgodovinsko) primerjalni vidik*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 7–8.
- Domen KRVIŃA, 2018: *Glagolski vid v sodobni slovenščini. 1, Besedotvorje in pomen*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Malinka PILA, 2013: *La categoria dell' aspetto verbale nel modo indicativo in russo e in sloveno: usi e significati a confronto*. Padova: Università degli Studi di Padova. Scuola di dottorato di ricerca in scienze linguistiche, filologiche e letterarie.
- Anna STUNOVÁ, 1993: *A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse*. Amsterdam.
- Luboš VESELÝ, 2011: O vidu slovesa soustředit se. Příspěvek k otázce jazykové správnosti. *Naše řeč* 94/3. 134–141.
- Александр В. БОНДАРКО, 1971: *Вид и время русского глагола*. Москва: Просвещение.
- [Aleksandr V. BONDARKO, 1971: *Vid i vremja russkogo glagola*. Moskva: Prosveščenie.]
- Александр В. БОНДАРКО, 2002: *Теория значения в системе функциональной грамматики*. М.: Языки славянской культуры.
- [Aleksandr V. BONDARKO, 2002: *Teorija značenija v sisteme funkcional'noj grammatiki*. М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.]

- Александр В. БОНДАРКО, 2005: Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: Языки славянских культур. 425–609.
 [Aleksandr V. BONDARKO, 2005: Nastojašće istoričeskoe glagolov nesoveršennogo i soveršennogo vidov v slavjanskih jazykah. *Teorija morfoloگیčeskih kategorij i aspektologičeskie issledovanija*. М.: Jazyki slavjanskih kul'tur. 425–609.]
- Александр В. БОНДАРКО, 2011: *Категоризация в системе грамматики*. М.: Языки славянских культур.
 [Aleksandr V. BONDARKO, 2011: *Kategorizacija v sisteme grammatiki*. М.: Jazyki slavjanskih kul'tur.]
- Виктор В. ВИНОГРАДОВ, 1972: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.: Высшая школа.
 [Viktor V. VINOGRADOV, 1972: *Russkij jazyk. Grammatičeskoe učenie o slove*. М.: Vysšaja škola.]
- Александра ДЕРГАНЦ, 2014: Глагольный вид в настоящем историческом в словенском языке. *Scando-Slavica* 60/2. 437–451.
 [Aleksandra DERGANČ, 2014: Glagol'nyj vid v nastojaščem istoričeskom v slovenskom jazyke. *Scando-Slavica* 60/2. 437–451.]
- Александра ДЕРГАНЦ, 2015: К употреблению глагольного вида в многократном / узуальном значении в словенском языке. *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III*. Ред. Р. Бенаккьо. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner.
 [Aleksandra DERGANČ, 2015: K upotrebleniju glagol'nogo vida v mnogokratnom / uzual'nom značenii v slovenskom jazyke. *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III*. Ред. Р. Бенаккьо. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner.]
- Светомир ИВАНЧЕВ, 1971: *Проблеми на аспектиалността в славянските езици*. София: Издателство на Българската академия на науките.
 [Svetomir Ivančev, 1971: *Problemi na aspektualnositta v slavjanskite ezici*. Sofija: Izdatelstvo na Bălgarskata anademija na naukite.]
- Домен КРВИНА, 2013: Употребление вида глагола в значении повторяемости и настоящего исторического в русском и польском языках в сравнении со словенским. *Всероссийское совещание славистов, посвященное 1150-летию славянской письменности и 110-летию первого Съезда русских славистов. Сборник материалов*. М: ПРО 100 МЕДИА.
 [Domen KRIVINA, 2013: Upotreblenie vida glagola v značenii povtorjaemosti i nastojaščego istoričeskogo v ruskom i pol'skom jazykah v sravnenii so slovenskim. Vserossijskoe soveščanie slavistov, posvjaščenne 1150-letiju slavjanskoj pis'mennosti i 110-letiju prvogo S'ezda russkih slavistov. Sbornik materialov. М: PRO 100 MEDIA.]
- Домен КРВИНА, 2016: Синтаксические контексты, требующие употребления (преимущественно) НСВ: СВ в словенском языке. Доклад на III Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире». М.: МГУ имени М. В. Ломоносова.

- [Domen KRIVINA, 2016: Sintaksičeskie konteksty, trebujuščie upotreblenija (preimuščestvenno) NSV : SV v slovenskom jazyke. Doklad na III Meždunarodnom naučnom simpoziume «*Slavjanske jazyki i kul'tury v sovremennom mire*». M.: MGU imeni M. V. Lomonosova.]
- Юрий С. МАСЛОВ, 1984: *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- [Jurij S. MASLOV, 1984: *Očerki po aspektologii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.]
- Юрий С. МАСЛОВ, 2004: *Избранные труды: Аспектология*. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры.
- [Jurij S. MASLOV, 2004: *Izbrannye trudy: Aspektologija*. Obščee jazykoznanie. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2000 / 2012: *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: Изд-во МГУ. Второе издание. М.: УРСС.
- [Elena V. PETRUKHINA, 2000 / 2012: *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom jazyke v sopostavlenii s češkim, slovackim, pol'skim i bolgarskim jazykami*. M.: Izd-vo MGU, 2000. Vtoroe izdanie. M.: URSS.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2003: Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской). *Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ*. Пленарные заседания. Санкт-Петербург: Изд-во СПб-го гос. ун-та. 426–433.
- [Elena V. PETRUKHINA, 2003: Dominantnye čerty russkoj jazykovoj kartiny mira (v sravnenii s češskoj). *Russkoe slovo v mirovoj kul'ture. X Kongress MAPRJAL*. Plenarnye zasedanija. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb-go gos. un-ta. 426–433.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2005: Соотношение глагольных и контекстных средств выражения аспектуальной семантики в русском и чешском языках. *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. Санкт-Петербург: Наука. 219–232.
- [Elena V. PETRUKHINA, 2005: Sootnošenie glagol'nyh i kontekstnyh sredstv vyraženiija aspektual'noj semantiki v russkom i češskom jazykah. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury*. Sankt-Peterburg: Nauka. 219–232.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2009: Объяснительная теория славянского глагольного вида. *Вестник Московского университета. Сер.9. Филология* 5. 111–127.
- [Elena V. PETRUKHINA, 2009: Ob"jasnitel'naja teorija slavjanskogo glagol'nogo vida. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologija* 5. 111–127.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2013: Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 4. 49–69.
- [Elena V. PETRUKHINA, 2013: Tipy processnoj semantiki nesoveršennogo vida v russkom i češskom jazykah. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija* 4. 49–69.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2015. Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков). *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III*. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner. 404–420.

- [Elena V. PETRUKHINA, 2015. Vid v grammatičeskom kontekste passiva (na materiale russkogo i češkogo jazykov. *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III*. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner. 404–420.]
- Елена В. ПЕТРУХИНА, 2015: Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Ред. Мицуси Китадзэ. Киото: Университет Киото Сангэ. 197–208.
- [Elena V. PETRUKHINA, 2015. Kategorial'naja vidovaja semantika i strategii upotreblenija vidov v russkom i češskom jazykah. *Aspektual'naja semantičeskaja zona: tipologija sistem i scenarii duahroničeskogo razvitija*. Red. Micusi Kitadzě. Kioto: Universitet Kioto Sangě. 197–208.]
- РГ, 1980: *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука. 1980.
- [RG, 1980: *Russkaja grammatika*. Т. 1. М.: Nauka. 1980.]
- Ольга С. ПЛОТНИКОВА, 1998: Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии. *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры. 364–370.
- [Ol'ga S. PLOTNIKOVA, 1998: Problemy sopostavitel'nogo izučenija slavjanskogo vida v diahronii. *Tipologija vida. Problemy, poiski, rešenija*. M.: Jazyki russoj kul'tury. 364–370.]
- Ольга С. ПЛОТНИКОВА, 2017: Актуальные проблемы сопоставительного изучения глагольного вида в словенском и русском языках. *Glagolski vid v slovenščini in ruščini: kontrastivni in (zgodovinsko) primerjalni vidik*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 18–19.
- [Ol'ga S. PLOTNIKOVA, 2017: Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo izučenija glagol'nogo vida v slovenskom i russkom jazykah. *Glagolski vid v slovenščini in ruščini: kontrastivni in (zgodovinsko) primerjalni vidik*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 18–19.]
- Теория функциональной грамматики (ТФГ)*, 1987: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ред. А.В. Бондарко. Ленинград: Наука.
- [*Teorija funkcional'noj grammatiki (TFG)*, 1987: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. Red. A.V. Bondarko. Leningrad: Nauka.]
- Илья Б. Шатуновский, 2009: *Проблемы русского вида*. М.: Языки славянских культур.
- [Il'ja B. ŠATUNOVSKIJ, 2009: *Problemy russkogo vida*. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur.]
- Александра Г. ШИРОКОВА, 1998: Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков. *Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков*. Ред. А.Г. Широковой. М.: Издательство МГУ.
- [Aleksandra G. ŠIROKOVA, 1998: Metody, principy i uslovija sopostavitel'nogo izučenija grammatičeskogo stroja genetičeski rodstvennyh slavjanskih jazykov. *Sopostavitel'nye issledovanija grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavjanskih jazykov*. Red. A.G. Širokovej. M.: Izdatel'stvo MGU.]

Роман ЯКОБСОН, 1985: *Избранные работы*. М.: Наука.
[Roman JAKOBSON, 1985: *Izbrannye raboty*. М.: Nauka.]

Источники

Ivan Kraus, 1998. *Má rodina a jiná zemětřesení*. Praha: Academia.
Nikolaj N. Nosov, 1965: *Neználek na Měsíci* (преводчик М. Šťastná). В сети.
Nikolaj N. Nosov, 1969: *Neznalček na Luně* (преводчик А. Ткачева). Ljubljana: Mladinska knjiga.
Николай Н. Носов, 1965: *Незнайка на Луне*. В сети.

Список сокращений

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–4. Praha, 1960–1971.
SSČ – Slovník spisovné češtiny. Praha, 2000.
Fran — Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. B сети.

POVZETEK

Članek obravnava vprašanje glagolskega vida v slovanskih jeziki na podlagi ruskegega, češkega in slovenskega gradiva, pri čemer se upoštevajo tudi zadnje raziskave A. Derganc in D. Krvine. Razlike med sopostavljenimi jeziki, ki se kažejo pri rabi in skladenjski povezljivosti dovršnega in nedovršnega vida, so povezane z razhajanjem pri kategorialni semantiki vidov in organizaciji vidke opozicije, kar se kaže tudi v različni stopnji zaznamovanosti/nezaznamovanosti obeh vidov.

Navedena izhodišča uporabljamo pri razlagi vidke podobnosti češčine in slovenščine, v katerih se dovršniki aktivno uporabljajo v historičnem sedanjiku, in pri označevanju ponavljajočega se dejanja. Na podlagi češkega in slovenskega gradiva skušamo pokazati, da je v češčini in slovenščini dovršni vid zaznamovan v manjši meri kot v ruščini. Po drugi strani slovenski in češki nedovršniki v različnih kontekstih, posebej v kontekstu uzualnega dejanja, nastopajo kot vidke oblike, ki aktualizirajo procesualnost in trajanje posameznega dejanja, kar v številnih primerih onemogoča, da bi jih uporabljali kot nezaznamovane oblike.

Nekatere vidke značilnosti dejanja, kot je označevanje meje, se v češčini in slovenščini s predpnskimi dovršniki izražajo redkeje kot v ruščini. Zato se za označevanje meje uporabljajo druga leksikalna sredstva. Tako se v ruščini predpona po- uporablja za označevanje limitativnega pomena, ki se funkcijsko zbližuje z rezultativnimi vidskimi predponami, npr. Ты уже почитал? / позанимался? / поплавал?, medtem ko v češčini in slovenščini predponski glagoli s po- ponavadi ne poudarjajo izraziteje zaključka dejanja in se zato v podobnih kontekstih ne uporabljajo.

V ruščini se 'velika, polna mera dejanja ali doseženo stanje zadovoljivte' (saturativni pomen) izraža predvsem z glagoli z obrazili на- -ся, medtem ko se v slovenskem in češkem gradivu podobna semantika pogosto izkazuje z drugimi leksikalnimi sredstvi, ki poudarjajo navedeno mejo (npr. češ. dost, slvn. dosti, dovolj).

Jezikovno gradivo in ugotovitve, predstavljene v prispevku, potrjujejo izhodiščno predpostavko, da gramema dovršnik: nedovršnik v ruščini in češčini/slovenščini do določene mere delujeta različno.

V ruščini je raba dovršnikov predvsem povezana z idejo časovne zamejitve dejanja (t. i. »predela« – meje), medtem ko se v češčini dovršnik povezuje z idejo celostnosti.

Bistvene razlike med obravnavanimi jeziki izpostavljamo na primeru pripovednega besedila v preteklosti. Zanimivo je, da analiza prevodnega gradiva kaže, da podobnosti med češčino in slovenščino glede vidske rabe včasih ne držijo, saj je pri pripovednem besedilu v preteklosti slovenščina bližja ruščini kot češčini.

V prispevku posebej opozarjamo na najnovejše raziskave vidske rabe v slovenščini pri A. Derganc in D. Krvini, ki pričajo o novem obdobju v slovenski aspektologiji. V omenjenih študijah uporaba nove metodologije in korpusnega gradiva omogoča natančnejši vpogled v značilnosti obvezne in fakultativne rabe dovršnikov in nedovršnikov ter obenem jasneje izpostavlja aspektološke posebnosti slovenščine, ki izstopajo v primerjavi s češčino in ruščino.